
ГЛАВА 1

ПРОКЛЯТЬЕ

Она лежала под эбеновым деревом — из тех, что запоминают разговоры о любви и складывают из них стихи. Лежала и слушала шелест белой листвы. Дерево говорило слабым голосом, будто бы шептало — значит, это случилось давно. Может, тысячи лет назад. А может, всего сотни.

Свети, звезда моя, в холодных небесах, — слышала Шелл, пока слова не унес ветер.

Знакомый язык в этом сумрачном краю, покрытом, словно кривыми зубами, горными хребтами и перевалами, напоминал о чем-то родном, но давно забытом.

Затем дерево заговорило другими голосами, на других языках, которые Шелл уже не понимала.

Она не ожидала найти эбеновое дерево здесь, так далеко от дома, от городов и остальных поселений. Значит, когда-то тут жили люди. Или, может, стоял храм какой-нибудь местечковой богини любви.

Но она была рада. Хоть какое-то напоминание о существовании других людей.

— Чего улыбаешься? — с прищуром спросила Зела.
Шелл пожала плечами.

Троллиха повторила ее жест и вернулась к свежеванию кроличьей туши. Шелл смотрела, как ловко та управляется с ножом и тушей животного, как проворны ее толстые пальцы, как странно грациозно каждое движение, что совсем не ассоциировалось с массивной фигурой.

Шелл поняла, что пялится, и заставила себя перевести взгляд на костер, который тоже соорудила Зела. Желто-белое пламя завораживало. Шелл подумала о своей прошлой жизни. Она думала о том, каким был ее дом. Горел ли там камин? Жил ли в том доме кто-то еще? А может, она жила и не в доме вовсе, а в простой квартире. Или в комнатке где-нибудь на чердаке. Она уже не помнила лиц. Воспоминания потихоньку уходили, как уходят сны. Медленно, помаленьку, неумолимо.

— Полночь, — сказала Зела.

Для тролля она была слишком уж разговорчивой. Или нет? Откуда вообще Шелл что-то знала про троллей?

Наступил четверг. День, когда всемогущая богиня существует и может выслушать молитвы. Троллиха знала об этом. Шелл сама ей рассказывала.

Она покосилась на Зелу и кое-что вспомнила. Не из своей жизни, нет, но почти. Почти.

Она вспомнила, как читала — или писала? — о тролльских богах. О том, что об этих богах никто ничего не знал. Антропологи, конечно, были убеждены, что каждому народу присущи религиозные верования. Но, наверное, тролли просто не хотели, чтобы кто-то узнал об их вере. Как трусишки фейри, боялись, что их богов похитят и заберут себе.

Что ж, феиры боялись не зря. Пришли расхитители древностей, пришли *цивилизированные* и забрали их слабеньких божеств себе в музеи и в частные коллекции. Она сама видела одну такую богиньку, пойманную старым антикваром.

Божество, которое раньше управляло целым островным мирком, к концу своей недолгой жизни оказалось в железной куполообразной клетке и тряслось от страха, когда к нему подходили. На руках и лице у нее были шрамы — видимо, пыталась сбежать. Пока не признала свою судьбу. Тем не менее та богинька сбежала. Не без помощи Шелл, конечно.

Воспоминание было таким ярким, но тут же померкло. Будто кто-то выключил свет.

Она горько улыбнулась сама себе.

— Опять улыбаешься, — прокомментировала Зела.

Тролли понимают, когда мы улыбаемся, но не понимают, когда улыбаемся неестественно, подумала Шелл. И все же она ощущала нечто по отношению к этому грузному созданию. Признательность? Симпатию? Благодарность?

Сложно испытывать подобные чувства к троллям, потому что те не похожи на людей. Но Зела ей нравилась.

Третий день они были вместе, шли каждая по своим делам и знали, что скоро придет пора расставаться. Шелл искала одного, Зела чего-то другого.

Они ели кролика, Шелл пыталась жевать и глотать быстрее, чтобы не чувствовать вкус. Нет, эту еду она не понимала. Не любила мясо. Не из-за богини — хотя

из-за нее тоже, — а скорее из-за того, что разница между разумными и неразумными существами очень размыта. Кто-то учил ее этому. Еще в детстве — возможно, мать. Возможно, кто-то другой.

Кажется, она изучала что-то подобное в университете. Что это был за университет? Что она изучала? Не экологию, точно не экологию. Нет, кажется, она любила писать. Книги? Научные статьи? Публицистику?

Память будто выдирало клочьями. Оставались лишь тонкие ниточки, за которые нельзя дергать или тянуть — только бережно, осторожно касаться, иначе воспоминание оборвется. А лучше просто смотреть. Иногда она что-то вспоминала, аккуратно вытягивая ниточки памяти, но чаще — гораздо чаще — забывала еще больше.

— Однажды, — сказала Зела, выплюнув тонкую малюсенькую косточку, — я проснулась зимним утром и обнаружила, что дети мои — подделка.

Шелл насторожилась. Неужели троллиха наконец-то решила поделиться своей историей? И что это значит? Будет ли Шелл что-то должна после этого? Будет ли Зела должна ей? Какие последствия у этой истории? Или их не будет?

Она слышала о том, что тролли ничего не рассказывают чужакам, но не знала, где именно. Может быть, получится узнать о Зеле чуть больше. Может быть, нет. Все зависело от самой троллихи.

— Я думала, как их могли подменить. Когда только успели? Они могли сделать это, пока я спала. Весь следующий день я смотрела на них, слушала их голоса, вдыхала их запахи и думала: а может, они всегда были

такими? Я начала забывать, какие дети правильные. Но почему-то я знала — мои дети подделка. Только не знала, когда именно их подменили.

— Кто такие *они*?

— Их легко узнать. Однажды я найду их и...

Вместо ответа Зела одним махом откусила кроличью голову, и мощная челюсть — клац! — раздробила череп животного.

Пытаясь скрыть беспокойство, Шелл осторожно кивнула троллихе. Зела поворошила палкой затухающие угли и сплюнула кости.

— Спроси у своей богини, какие у меня были дети, — пробормотала она и отвела глубоко посаженные глаза. — Или у любой другой.

— Я не имею права молиться другой. Имя богини на моей шее, чтобы все знали, что она моя.

Зела приподняла тяжелую бровь без малейшего присутствия волос.

Откуда-то из памяти всплыл факт, что морские тролли не имеют волосяного покрова вообще. Они живут не в море, но рядом с морем. Говорят, что однажды солнце сожгло их волосы и сделало кожу крепче. Шелл захотела потрогать тролчью кожу, но, конечно, не сделала этого.

— А теперь давай спать, — проворчала Зела. — Пока ты совсем не задумалась.

Они лежали каждая в своем спальном мешке и думали каждая о своем.

Зела, наверное, думала о своих детях. Шелл думала о богине. Богиня не отвечает на вопросы. Только слушает. Возможно.

Шелл вдруг вспомнила, что постепенно перестала верить в богов и богинь. Но ее семья по материнской линии верила в богиню четверга. Когда ей было шесть, на ее шею сзади сделали татуировку с именем богини четверга. Спустя годы Шелл даже не стала перебивать ее чем-то другим. Наверное, это было уважение. Или любовь. Или что-то другое. Этого она уже не помнила.

* * *

Когда утром они собирались, Шелл слышала, как под эбеновым деревом мужчина признается в любви женщине. Он обещал, что найдет ее в этом мире или в каком-то другом. Он клялся, что никого никогда не полюбит так, как ее.

Шелл уходила, неся в сердце надежду.

Шелл надеялась, он нашел ее.

И если я тебя когда-нибудь не встречу, свети, звезда моя, пусть вечным будет свет.

Они шли дальше. Шли долго, шли весь день. Одни деревья сменялись другими. Шелл говорила с богиней, ведь только сегодня та могла услышать. Только сегодня богиня существовала в мире. Поскольку богиня существует лишь в один день из семи, ей нужно много слушать. А Шелл — много говорить, чтобы ее слышали.

Шелл чувствовала себя лицемеркой — она не верила в богиню четверга. Кажется. Этого она тоже уже не помнила.

Зела спросила, что случается с богиней в другие дни. Шелл сказала, что в другие дни ее не существует. Это она знала точно. Зела спросила, существует

ли богиня в других мирах, и Шелл задумалась. В других мирах другие календари. Так что где-то еще мог быть другой четверг. Сотни четвергов, тысячи четвергов, миллионы четвергов. И одна богиня. Теперь понятно, почему она не отвечает. Слишком много людей, слишком много молитв.

Существуешь ли ты в других мирах, спрашивала Шелл, слышишь ли ты людей в других мирах, что это за миры, что это за люди?

Кто-то говорил, что у нее одиннадцать тысяч с половиной ушей — ровно столько нужно, чтобы услышать всех нуждающихся.

Сейчас богиня была нужна как никогда. Но она, как обычно, слушала те одиннадцать с половиной тысяч человек, которые нуждались еще больше, чем Шелл. Пусть даже у Шелл и была татуировка с именем богини. А возможно, дело в том, что она забыла, верит она или нет.

В конце дня они вышли к морю.

Они стояли над обрывом и смотрели на серо-синее море, на красное солнце, тающее в его глубинах, на фиолетовые облака.

Еще одна часть пути была пройдена.

Здесь их дороги с Зелой расходились. Троллиха шла на восток, искать своих настоящих детей. Шелл шла на запад, за тающим солнцем, вдоль обрыва, шла, чтобы найти того, кто поможет.

Они прощались. Зела кивнула и уже собралась уходить, как Шелл спросила:

- Что случилось с твоими поддельными детьми?
- А что происходит с твоей памятью?

Ответа на этот вопрос Шелл не знала. Зела развернулась и размашисто зашагала прочь.

Шелл осталась одна. Во всем мире не было никого, кроме нее. Только звезды, море, она и ее проклятье.

Она несла его с собой, словно самый драгоценный дар.

Возможно, ее ждет смерть. Возможно, полное забвение. Никто не знал, что именно ее ждет.

Шелл шла по давно протоптанной тропинке — слева зеленели поля, которым скоро уже желтеть и умирать, а справа обрыв, на стенах которого чайки и топорки¹ вили свои гнезда. На маленьких выщерблинах они рождались, кормили своих птенцов и умирали от старости или от когтей других птиц.

Справа было море, море, насколько хватало глаз.

Она шла, шла, шла. Пока море не поднялось к обрыву, пока Шелл не спустилась на берег. И вот она уже шла по гальке, по песку, мимо белых круглых валунов, а рядом в воде плескались странные существа.

Кто ты, спрашивали одни. Зачем ты пришла сюда, спрашивали другие. Мы разорвем тебя на части, говорили третьи и обнажали длинные острые зубы, сверкающие серебром в свете звезд.

А звезды шептали — не смотри на них, не смотри. И она не смотрела. Она шла вперед, туда, где растаяло солнце.

Внутри, в самом центре груди, что-то было, что-то звало вдаль, безошибочно определяя, куда идти. И она

---

¹ Топорок или топорик — морская птица рода Тупики семейства чистиковых.

шла, повинуюсь этому зову безотчетно. Повинуясь проклятью, которое ей выпало нести.

ПАРАДОКС

Они заметили друг друга с первого взгляда. Почему? Может быть, потому что были разными? Родились в разных мирах, жили в разных мирах. Разный вид, разный пол, разный фенотип и разрез глаз. Два существа, так непохожих друг на друга — почему нет?

Особенно сейчас. Особенно в это время года.

Весной миры особо чувствительны к флуктуациям. Миры существовали бок о бок, пронизывали друг друга, вливались из одного в другой реками, теплыми течениями, врывались гремящими водопадами или раскатами грома. Даже ее мир, находившийся на краю известной Вселенной, подвергался этим флуктуациям.

В ее мире магии почти не было. Лишь редкие женщины и еще более редкие мужчины обладали *даром*. Иногда к ним забредали существа из других миров, и Эйрик Кенельм всегда готов был предоставить кров, еду и одежду. А за красивые истории, за аутентичные предметы культуры и искусства предлагал остаться в его резиденции бесплатно и почти навечно.

Эйрик построил свое жилище из камней, пропитанных древней магией *порога*. Немного помощи извне, и в доме укрепились связи с другими мирами.